

КОМСОМОЛЕС УЗБЕКИСТАНА
г. Ташкент

17 НОЯ 1987

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Наша беседа с известным артистом Станиславом Сагдасьским состоялась в фойе Дома кино в коротких перерывах между очередными выходами на сцену во время его творческой встречи со зрителями. У него было мало времени, а у меня много вопросов.

— Станислав, говорят, творческие профессии родом из детства...

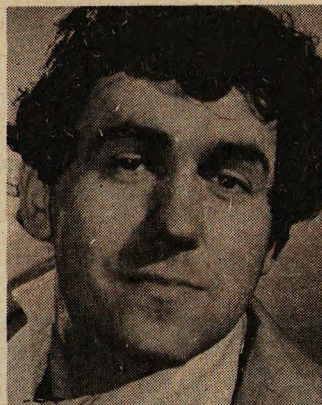
— Возможно. Я родился в семье учителей. У меня рано умерла мама. Воспитывался в интернате. А артистом хотел быть всегда. Ребята даже прозвище мне дали — «артист». После окончания школы поехал в Москву, подал заявление в пять театральных вузов и... ни в один не попал. Почему? Все члены приемных комиссий этих учебных заведений нудно мне объясняли, что у меня неправильный прикус, поэтому профессия артиста не для меня. Тогда я поехал в Ярославль. Думал, что в театральном училище этого города меня поймут. Но и там меня не приняли. А вот на Ярославском моторном заводе меня сразу приняли: я стал токарем. Получил даже разряд, а позже — звание «Ударник коммунистического труда».

Однажды я узнал, что в Ленинграде работает актриса, у которой прикус такой же, как у меня. Недолго думая, я собрался и поехал к ней. Нашел театр имени Ленсовета. Прикрепив (на всякий случай) на лацкане пальто значок «Ударник коммунистического труда», через служебный вход проник в гримборную к Алисе Фрейндлих. Первое, что ей сказал: «Смотрите!» и показал свой профиль. «Ну и что?!» — ответила она. — «Как что? Не видите — у меня нижняя челюсть заходит за верхнюю, как у вас!» «Нет, у вас больше». — «Меня из-за этого в театр не принимают». — «Что за чепуха! Поезжайте в Москву, если не поступите, возвращайтесь — что-нибудь придумаем». Окрыленный ее словами, я поехал в столицу, подал заявление в ГИТИС и... был принят на курс к Г. Г. Конскому и О. Н. Андровской. По сей день я благодарен сво-

им учителям и горжусь тем, что у них учился. Ольга Николаевна постоянно мне говорила о том, что я должен свой физический недостаток, сделав достоинством, использовать в образе какого-либо героя.

— И встреча с этим героем состоялась!

— Да. Режиссер С. Говору-

хин, приступив к съемкам фильма «Место встречи изменить нельзя» по роману братьев Вайнеров «Эра милосердия», предложил мне роль Сапрыкина, по прозвищу Кирпич. А мне совершенно не хотелось играть этого тунеядца. Я попросил Станислава Сергеевича... Как вы думаете, какую роль я у него попросил?

— Шарاپова!

— Точно. А почему вы смеетесь? И Говорухин смеялся. Он сказал, что художественный совет не утвердит мою кандидатуру. — Почему?! — спрашиваю. — На эту роль нужен комсомолец. — А я комсомолец (показываю ему значок). — Нет, ты не понял меня. Лицо у тебя не такое, какое должно быть у Шарاپова.

Так мне пришлось смириться с приговором режиссера и играть Кирпича.

— По-моему, вы удивительно проникновенно сыграли эту эпизодическую роль, обнаружив такие способности, какие трудно порою предполагать у молодого актера. За эту роль Парижская академия киноискусства присудила вам приз «Хрустальная звезда».

— Да. Но вы об этом не пишете.

— Почему!

— Не люблю бравировать своими победами. И вообще я отношусь к себе с юмором.

— А когда ваши товарищи говорят вам: «Стас, над тобой смеются, на тебя показывают пальцем. Тебе это приятно!», что вы им отвечаете!

Когда Эльдар Рязанов и Григорий Горин приступили к написанию сценария «О бедном гусаре замолвите слово...», то участие актеров Олега Басилашвили, Георгия Буркова, Валентина Гафта, Зиновия Гердта было делом решенным еще во время работы над ним. Кандидатура Евгения Леонова на роль Бубенцова возникла в подготовительный период. Что касается молодых исполнителей — Настеньки и Плетнева, то их поиски были довольно длительными. Только после многочисленных кинопроб съемочная группа утвердила Ирину Мазуревич и Станислава Сагдасьского. О последнем

— Спорите ли вы с режиссером, если в чем-то с ним не согласны!

— В каждом подлинном артисте живет любовь к искусству и тяга к творчеству. Но нам очень редко удается работать по-настоящему, получить желанную роль, добиться удачи. Почему? Да потому, что наша актерская профессия зависима. Во-первых, мы зависим от режиссера, во-вторых, от пьесы или сценария. Поэтому, если режиссер способен слушать, то могу с ним поспорить, а если нет, то терплю ради роли.

— Вы проработали в театре

де пленительного счастья», Павла Луспекаева в «Белом солнце пустыни». Поэтому я тогда сказал сам себе: «Буду пробоваться так, как будто меня сегодня расстреливают!»

— Значит, вы не намерены возвращаться в театр!

— Нет, что вы! Окунавшись в мир кулис, я неожиданно для себя понял, что снова приду в театр и приду навсегда, но это будет зависеть от режиссера. Поэтому я возлагаю большие надежды на встречу с Валерием Беляковичем, который создал в Москве удивительный «Театр на Юго-Западе». Он предложил мне главную роль в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца». Это трагикомедия, в которой показана жизнь, состоящая из смешения печального и смешного, серьезного и легкомысленного.

— С каким режиссером вам хотелось бы встретиться на съемочной площадке!

— Хотел бы сняться у Феллини.

— А что мешает!

— Он об этом не знает. (смеется).

— Ваша мечта!

— Я уже говорил, что актер, по сути, не имеет права выбора, права осуществления своей мечты. Как-то неловко сказать постановщику, что ты давно мечтаешь сыграть роль, подобную той, которая, например, намечается в его картине. Желания актеров утопические. Они утопают в желаниях режиссеров. И тем не менее я мечтаю... Сейчас Элем Климов приступает к экранизации «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Так вот, хочу чтобы он пригласил меня на роль кота Бегемота.

— Чем вы собираетесь порадовать зрителей в ближайшем будущем!

— Скоро выйдет фильм С. Арановича «Пресс-центр» по Ю. Семенову, в котором я сыграл роль Папиньона. А в ближайшие мои планы входит довести до конца сегодня творческую встречу, поэтому мне пора на сцену. До свидания.

Станислав САДАЛЬСКИЙ:

«Феллини об этом не знает»

— Замечательный французский артист Луи де Фюнес, скончавшийся несколько лет назад, говорил: «Есть много в мире артистов, которые заставляют нас плакать, и очень мало в мире артистов, которые заставляют нас смеяться!» Я люблю комедию. Она близка мне тем, что содержит в себе намеки, насмешки, сатирическое разоблачение пороков, слабостей, характерных тому или иному обществу. И потом она является, на мой взгляд, сильным оружием, призванным вооружать хороших и умных людей против глупцов, спесивых чиновников и тщеславных корыстолюбцев. Например, кинокомедия «О бедном гусаре замолвите слово...». О чем она? О чести, благородстве, способности к самопожертвованию. Она клеймит изворотливых подлецов и самодуров, надменных властью. Она призывает мыслящих людей к выбору между выгодным и честным, бессовестным и нравственным. А главное, она рассказывает о родстве бескорыстных и благородных душ, которые побеждают изощренных авантюристов.

Эльдар Рязанов сказал: «Он очень импульсивен. Поэтому он артист, как правило, первого дубля. Он, без сомнения, очень талантлив, обожает свою профессию и готов ради роли, ради достижения результата на любой поступок, в том числе и безрассудный. Сагдасьский — порывистый, эмоциональный, темпераментный. Интуиция у него замечательная, как актерская, так и человеческая...».

— Какое значение для вас имело творческое общение с Э. Рязановым!

— Я очень люблю Эльдара Александровича. Считаю его выдающимся режиссером. Он настоящий гражданин нашей страны. Где бы он ни выступал, он всегда говорит: «Неизвестно, кто больше любит Родину: кто говорит о недостатках или кто их скрывает». А Рязанов всегда открыто говорит о недостатках, и об этом свидетельствуют его картины.

Для меня Эльдар Александрович — один из главных учителей в жизни и творчестве. Его основной урок — поиск нравственной правды. И еще он научил меня быть серьезным.

«Современник» восемь лет и расстался с ним. Выходит, любовь к кино оказалась сильнее!

— У меня получился парадокс: я люблю театр, а он меня нет. Мы сами куем свое счастье и несчастье. После окончания ГИТИСа меня пригласили в четыре театра, а я выбрал — пятый. Если моя кинематографическая судьба складывалась удачно, то актерская, в театре, не очень гладко. Я работал преимущественно в массовке или дублировал основной состав в маленьких эпизодах, но гонору во мне было на народного артиста (смеется). В моей творческой жизни образовалась эдакая диспропорция: в кино я желанен, а в родном доме, в театре, где-то на задворках. Поэтому я ушел из театра и насколько об этом не жалею. Ведь я работал у Э. Рязанова, И. Хейфица, В. Мотыля, С. Арановича, С. Говорухина. Помню, с каким волнением шел на съемочную площадку к В. Мотылю — режиссеру, который открыл в свое время Олега Даля в «Жене, Женечке и «Катюше», Игоря Костоловского в «Звез-

Интервью вела
И. ГУЛЬЗАРОВА.